

Н.А. Максимова*

СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЧИНОВ КНЯЖЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ключевые слова: княжеская дружина, состав дружины, административно-хозяйственные должности княжеской службы, казначей, ключник, покладник, конюший, стольник и мечник.

Maximova N.A. The composition of the administrative and economic officials of the prince's life in ancient Russia

The article highlights the issues of the prince's retinue, on the basis of its structural and functional units to the government, administrative, judicial, administrative and economic apparatus. Separate analyzes of princely rank retainers for administrative parts – the treasurer, steward, pokladnik, groom, equerry and the Swordsman, and the service is considered part of each of them in the management of the Ancient Russian State in the IX–XII centuries. It is noted that an administrative and economic function of the prince's servants, clearly marked and closely fused with the administrative and judicial and other public authorities. It is concluded that the most intense growth in the service of princely rank for administrative part takes place mainly on the princes and domeriality level, that is at least in the local sedimentation and growth of the Prince's court.

Развитие княжеской дружины как основного источника служилого сословия русской древности протекает в сложноорганизованных формах и на фоне самых разнообразных факторов, вызывающих ее переустройство. Здесь и усложнение общественно-политических задач, решаемых князем в восточнославянской многоплеменной среде, что приводило к совершенствованию внутрисоциальных связей князя и дружины, а также между самими дружинниками.

Судя по летописным источникам¹ и их научным трактовкам, внутреннее деление дружины происходило в связи с увеличением контингента, его социализацией по имущественному цензу и закреплялось назначениями князя. И хотя ясно, что первые должности не были многочисленными и находились на стыке разных публичных и бытовых задач, исследователи во внутридружинной иерархии справедливо усматривают потребности политической системы в организации структуры административного управления. Середина X в. отмечается и как новый этап в развитии древнерусской дружины, когда формируется дружинно-феодалная иерархия.

© Максимова Н.А., 2012.

* Кандидат юридических наук, доцент, докторант Саратовской государственной юридической академии. [maximovana@mail.ru]

¹ Лаврентьевская летопись (1093) // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. С. 218.

Служебный аппарат Древнерусского государства имеет свое кадровое основание в княжеской дружине в правительственном, административно-судебном и административно-хозяйственном (придворном) направлениях, обобщенно представляющих и обеспечивающих власть князя на всем пространстве его первоначальной юрисдикции. При этом сама система и структура должностей древнерусской государевой службы за отсутствием пока ее громоздкости выступает очевидным индикатором приоритетов внутренней и внешней политики государственного управления.

Преимущественную часть княжеского аппарата составляли чины по части административно-хозяйственной службы, к которым изначально относились должности казначея, ключника, покладника, конюшего, стольника и мечника. Публичный характер функций данных княжеских слуг больше оттеняется их домашним, дворовым значением. Однако как исторические факты наделения этих слуг служебно-административными и даже правительственными полномочиями, так и еще сами равнозначность и сплетение публичных и частных (хозяйственных) интересов князя возводили данный, конечно, с современных позиций вспомогательный разряд слуг в полноправных для того времени княжеских (государевых) служащих.

Служебное предназначение казначея очевидно и состоит в хранении и заведывании княжеской казны. Но такая должностная специализация выделена не сразу, как и само сугубо денежное значение казны. Казна тогда – это, помимо денег и драгоценностей, различные домашние вещи и утварь; и хотя казна под эпитетами, например, «серебряная», «домовая», «постельная»² различалась, на специализации ее хранителей это мало сказывалось. В отдаленное время обязанности казначея исполнялись разными категориями дружинников, и если первоначально княжескими мужами вообще, то позднее тиунами огнищными (домашними) и ключниками. Так, под 1154 г. находим летописную запись, где киевский князь Ростислав поручает «каза нести именье отца своего» тиунам и ключникам³. Но и в рассматриваемый период казна не остается в ведении одного лишь казначея. Между тем административно-хозяйственное его значение как раз и определяется выделением казначейства из числа тиунов-ключников, а также не только хозяйственным значением, но экономическим титулом самой казны как личной собственности князя с присутствием, конечно, расходных статей публичного характера. Прослеживается и лично зависимое положение казначея от князей, которые, судя по документальным свидетельствам даже московского периода, нередко отпускают их на волю⁴. Впрочем, к этому же периоду В.И. Сергеевич относил и становление казначейства как госу-

² *Востоков А.* Описание собрания книг русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. № 144, 1504.

³ См.: *Летопись Киевская или Юго-Западной Руси // ПСРЛ. Т. 2.* СПб., 1843. С. 75.

⁴ *Востоков А.* Описание собрания книг русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. № 25, 1356, № 86, 1462.

дарственного звания⁵, а пока они сохраняют сугубо придворное свое значение до 1224 г. Прямая обязанность казначеев состояла также в охране кладовых, где находились княжеские ценности, в отпуске по поручению князя денег и имущества на различные нужды и жалование другим чиновникам. Казначейство было по числу княжеских дворов и составляло, таким образом, местное управление.

Отношение к местному управлению имела также должность ключника, которая по происхождению являлась более ранней, но по положению в «домашней» группе княжеских слуг рассматриваемого периода была второй после казначея. Появление должности ключника связывалось с XI в.⁶, однако небезынтересно отметить, что первое ее летописное упоминание связано с именем Малуши – ключницы-рабыни⁷, которая по другим синхро-летописным данным именуется лишь милостницей⁸ великой княгини Ольги. Ключники, очевидно, составляли домашнюю прислугу князя и находились непосредственно при нем и в хозяйстве знатных членов его семьи. Термин «ключник» пошел от их первоначального значения как хранителей ключей зданий или помещений, в которых складировались всякого рода запасы. Но им поручалось управление и самим процессом хозяйственного производства этих запасов, а также различного рода функционирующими по этой части дворами (в частности, сытным, кормовым и хлебным) и слугами, главным образом, обеспечивающими провиантами государев стол. Вместе с тем в вопросах распоряжения княжеским имуществом ключники, как следует из значительно поздних документальных источников, продолжают играть более второстепенное значение. Так, распоряжения на их имя о производстве кому-либо единовременных или систематических выдач из вышеуказанных запасов делались князьями⁹, как, впрочем, известны и случаи покупки ключниками деревень для князя, но опять-таки «за его ключом»¹⁰. Так же, как и в случае с казначеями, ключники назначаются князем из числа его

⁵ Хотя трудно с ним согласиться в том, что сама должность казначея встречается не ранее XIV в. (*Сергеевич В.И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М., 1867. С. 380).

⁶ См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III. СПб., 1818. С. 122; *Порай-Кошиц И.А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862 – 1796. СПб., 1874. С. 53.

⁷ См.: Древний текст Летописи Нестора (970 г.) // ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 29.

⁸ См.: Повесть временных лет (970 г.) // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1871. С. 45.

⁹ См.: *Востоков А.* Описание собрания книг русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. № 40; Жалованная грамота Угличского Князя Андрея Васильевича от 1 сентября 1491 г. «О ежегодной даче из дворцовых запасов хлеба Кириллову монастырю» // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической Экспедицией Императорской Академии Наук. Том 1. 1294 – 1598. СПб., 1836. С. 95.

¹⁰ См., напр.: Грамота Великого Князя Василия Иоанновича от 15 декабря 1521 г. «Об отводе Иосифову Волоколамскому монастырю места под осадный двор в городе Твери» // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической Экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб., 1836. С. 137.

рабов – но в большей мере¹¹, что, однако, не исключало при их низком происхождении достигать более властного положения¹².

Что касается чина покладника, то сведения о нем совсем скудны. Некоторую ясность вносит В.Н.Татищев, а вслед за ним и другие историки, отождествляя покладника с позднейшим постельничим¹³. Но летописное известие под 1168 г. повествует о некоем Иванко Фроловиче, посылаемом своим князем Ростиславом за попом Семеоном для «сотворения» молитвы¹⁴, и ничего очевидного о роде его занятий не сообщает. Поэтому некоторые исследователи древнерусского дворянства и заключают, что о деятельности покладника остается догадываться из самого наименования этой должности¹⁵. Дальнейшая эволюция института покладников, вероятно, связана с расширением царского двора и функциональной специализацией постельничего, а также выделением отдельной должности спальничего.

Большую известность в силу в том числе военной пригодности получает чин конюшего. Впервые он упоминается в ст. 10 Русской Правды как охраняемое двойной вирой за убийство лицо, причем наравне с боярами, что уже тогда позволило ряду историков рассматривать княжеского конюшего лицом, занимавшим наряду с другими придворными чинами первую гражданскую степень. Конюший – чин смотрителя за княжеской конюшней и приписанными к ней людьми и хозяйством, но здесь он лишь впоследствии начальник, тогда как первоначально назывался тиуном конюшим, затем старшиной конюхов. Однако С.В.Юшков, полагаем, не точен в той мере, в какой он признавал конюшенную специализацию самих тиунов развивающейся только после оседания большей части дружины, т.е. после XII в.¹⁶, тогда как уже к началу XI в. эволюция конюшего вошла в завершающий этап. Наоборот, само собой разумеется, что конюший отвечал за обеспечение княжеского войска конями, а тиуны конюшенные выполняли при нем подсобные функции. Отсюда же объяснимо и хронологически неверное приписывание, в частности, В.И.Сергеевичем, функции заведывания конюшенным хозяйством тиуну конюшенному¹⁷. В то же время ошибочным представляется его

¹¹ *Востоков А.* Описание собрания книг русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. № 24, 25, 86, 96, 144.

¹² См.: Летописное известие о наделении ключника Андрея Боголюбского Анбала властью «надо всеми» дворовыми людьми: Летопись Киевская или Юго-Западной Руси (1175 г.) // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 114.

¹³ См.: *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Книга третья. М., 1774. С. 403. См. также: *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 57; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен: Сочинение. Кн. 1: Т. I–V. СПб., 1895. Стб. 685.

¹⁴ См.: Летопись Киевская или Юго-Западной Руси // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 95.

¹⁵ *Порай-Кошиц И.А.* Указ. соч. С. 13.

¹⁶ *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 253, 369.

¹⁷ *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Том 1. М., 2007. С. 455.

же вывод о первом упоминании конюшего не ранее 1185 г.¹⁸, хотя как сановная должность конюший действительно появляется не ранее XV в., когда на нее назначались уже только бояре¹⁹. В остальном же чин конюшего замещался в порядке должностного роста придворных слуг, чаще по конюшенному хозяйству, и, как правило, при восшествии князя на престол. В течение XI–XVII вв. специализируются и находящиеся в подчинении конюшего слуги государевой конницы – конюхи. Так, В.И. Сергеевич выделял стремянных (дневали и ночевали на конюшне), стряпчих (чистили, поили, седлали и запрягали лошадей), задворных (чистили сбрую, мыли колымаги, всыпали лошадям овес, разносили сено), стадных (пасли лошадей в поле) конюхов и столповых приказчиков (ведали сбруей, колымажной казной, овсом и сеном)²⁰. Но их роль все-таки вспомогательная, а не служебная, в то время как чиновные конюхи оглашают государственные бумаги, бывают в правительственных посылках, выступают посредниками князя с вельможами, оставленными в стольном городе, и владеют недвижимостью²¹.

Немалочисленным был и штат лиц, обслуживающих княжеский стол, откуда и усвоилось их наименование в качестве стольников. Первое их летописное указание падает на 1228 г., где, правда, упоминается стольник новгородского архиепископа²². О княжеском же стольнике впервые говорится под 1230 г. в качестве участника в междудельном посольстве²³, но, как следует из былинных сказаний, данная должность прислуживает у стола еще князя Владимира Святославича (конец X в. – начало XI в.)²⁴. Однако известие 1230 г. о стольнике как княжеском муже дали основание И.Д. Беляеву довольно запоздало полагать, что эта должность принадлежала к старшим дружинникам²⁵, тогда как отдельная случайность, на самом деле, не умаляет общего вывода о них, как лишь о детях более знатных отцов и к тому жалуемых преимущественно с раннего возраста²⁶. Их непосредственная обязанность состояла в своевременном при-

¹⁸ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 502. См. также: Юшков С.В. Указ. соч. С. 371.

¹⁹ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 502–503.

²⁰ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 505–506, 507.

²¹ См.: Дворцовые разряды: [В 4-х т]. Т. 3 (с 1645 по 1676 г.). СПб., 1852. Стб. 1431. См. также: Котошихин Г.К. О России в царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 67.

²² См.: Новгородская первая Летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 44.

²³ См.: Воскресенская Летопись // ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 137.

²⁴ Встречается, в частности, сказание, записанное 11 августа 1871 г. со слов одного из лучших кенозерских былинных певцов – богатого крестьянина И.П. Сивцева, в котором речь идет о печально известном Чуриле Пленковиче, приглашенном великим князем служить ему в качестве стольника-чашника (см.: Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года. СПб., 1873. Стб. 1063–1064).

²⁵ Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 139.

²⁶ См., в частн.: Миллер Ф. Известие о дворянах российских. СПб., 1796. С. 56; Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: Сочинение. Кн. 3: Т. XI–XV. СПб., 1895. С. 675–676.

служивании подле гостей княжеского стола, в т.ч. подача к нему кушаний, напитков, передача угощений от имени государя и уборка потребленных блюд. Чин стольника был характерно придворным, но, судя по поздним сведениям, не исключал их использования, особенно с ростом их численности, в выполнении других, более значимых функций по части военной, гражданской и посольской. В церемониальном плане стольники зачастую сопровождали государя в качестве возницы, ухабчих, оруженосцев и почетной стражи (позднее – рынды)²⁷. Как указывал Н.Ф. Каптерев, отбору стольников в рынды прежде всего способствовали их молодой возраст и внешность²⁸. В военном отношении они ставились во главе военных отрядов для совершения отдельных кампаний, а во время похода самого государя составляли его конный полк²⁹. В правительственном плане стольники назначались наместниками в небольшие города и почти всегда участвовали в посольствах, в т.ч. иностранных, а также исправляли судебные дела, производили отбор служилых людей. Очевидно, стольники находятся на особом положении и в наибольшем приближении к государю, что и предопределяло их назначения и роль на самых разнообразных должностях. Вместе с тем они, как собственно слуги, предстают в качестве домашней прислуги и низшего разряда служащих князя, а выполнение ими несвойственных функций обусловлено не эволюцией их служебного статуса, а положением при дворе конкретного лица и, в целом, нечеткостью размежевания служебных полномочий, как правило, военно-правительственного и административно-судебного блока.

Домашнюю часть княжеско-дружинного аппарата по своему положению замыкают т.н. мечники – должность с сугубо узкой специализацией. Однако в исторической аналитике большинство исследователей отождествляет мечников с меченошами, что требует дополнительного пояснения. В летописях чин меченоши встречается крайне редко, и первое указание на него всплывает в рассказе о походе полка Кузьмы Ратшича, меченоши Всеволода «Большое Гнездо», к берегам реки Тепры (Пры)³⁰. О мечнике рукописи говорят немного чаще. Так, ст. 112 Русской Правды первой рисует мечника как присутствующего при ордалиях и даже получающего за это вознаграждение. Летописи же сообщают о мечниках, давая зачастую попутную для сравнительных нужд информацию, – в частности, о попытке киевлян разграбить Ратьшин двор и мечников, об отправлении Андреем Боголюбским своего мечника Михна послом к Ростиславичам и об избиении

²⁷ См., напр.: Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 435, 866; Т. 3 (с 1645 по 1676 гг.). СПб., 1852. Стб. 605, 1130, 1312.

²⁸ Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874. С. 185.

²⁹ См., напр.: Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 1380. См. также: Устрялов Н. Русская история. Ч. 2. СПб., 1839. С. 291, 328.

³⁰ См.: Радзивилловская Летопись (1210 г.) // ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 184. Второе и последнее летописное указание констатирует лишь факт гибели Василя, меченоши князя Ярослава Всеволодовича (см.: Новгородская первая Летопись (1225 г.) // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 42).

горожанами детских, мечников и разграблении их имений³¹. Неясность в отличиях мечника от меченоши сохраняется также, поскольку они в древнерусских источниках ни синхронно, ни в каком-либо ином сравнении не противопоставляются. Скудность этих данных не позволяет провести четкую грань между мечником и меченошей, хотя немногие исследователи отделяли их терминологически или чисто функционально, не приводя достаточно убедительных статусных различий. В частности, на отличии мечника от меченоши настаивал П.Н.Мрочек-Дроздовский, указывая, что мечник и меченоша служили князю, но первый ему как правителю (судье), т.е. в гражданском смысле, а второй – как воину, вождю дружины, т.е. в военном смысле, и заключал, что «мечник был не меченосец, ... а мечедержатель князя, как судья»³². Ряд исследователей особый акцент на отличиях этих двух должностей не делали, но в перечислении княжеских слуг указывали мечника и меченошу отдельно³³. Однако правильной видится мысль В.И.Сергеевича о том, что разные стороны деятельности князя (судья, воин и т.д.) вряд ли сказывались на учреждении особых органов и чинов, что сохранялось «не только в XI, но и даже в XVII в.»³⁴. Представляется также, что мечник и меченоша в какой-то мере один и тот же чин, где первый термин является предпочтительным в силу его юридизации, факт которой не удивителен, поскольку судебно-административная сторона статуса мечника, при том что он оставался прежде всего воином, требовала приоритетного юридического оформления. Следуя логике М.Б.Свердлова³⁵, можно, в принципе, заметить, что мечники (меченоши) являли собой один из ярчайших примеров слияния военной и служилой функций, сохранивших титульную разницу. Мечники набирались из числа отроков, впоследствии детских, причем лучших, находились непосредственно при князе, окружали и всюду сопровождали его в качестве оруженосцев-телохранителей и вполне могли выступать непосредственными исполнителями по различным менее важным вопросам княжеского управления. Судебно-административная составляющая обязанностей закрепляется за ними в XI–XII вв. и преференцируется появлением у них самостоятельного вознаграждения, а также собственной недвижимости. Назначение мечников на правительственные должности или командные воинские должности носит ситуативный характер.

В итоге, для времени, предшествующего появлению административно-хозяйственной службы дворцового типа, можно наблюдать влияние внутридружинной

³¹ См.: *Летопись Киевская или Юго-Западной Руси (1146, 1174 и 1175 гг.)* // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1871. С. 230, 389, 402.

³² *Мрочек-Дроздовский П.* Исследования о Русской Правде // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. 1886, январь–март. Кн. 1. М., 1886. С. 89–91).

³³ *Ключевский В.О.* Состав и значение дружины: дружинники в роли советников князя и представителей администрации // *Киевская Русь: В 2-х т. Т. 1.* М., 1910. С. 487.

³⁴ *Сергеевич В.И.* Указ. соч. С. 457–458 (прим. 2).

³⁵ *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 211–212.

иерархии на выработанные закономерности формирования княжеско-служебного корпуса, тогда как на функциональном уровне все еще отсутствует строгое разграничение и приписка полномочий к конкретным должностям. Поэтому о правах и обязанностях княжеских служащих того времени можно говорить скорее как о типичных, хотя общие рамки служебной деятельности отдельных категорий чинов, преимущественно административно-хозяйственного (придворного) назначения, были этимологически отличимыми. Нельзя не учитывать и тенденцию вливания в служебный аппарат местной знати, что также запечатлело на летописном, в частности, материале факты княжеских пожалований на должности, несоответствующие внутридружинной иерархии³⁶. Но в целом дружинная «подоплека» княжеско-служебной администрации сохраняла ее военную платформу, когда всякие и даже гражданские назначения обременялись воинской компонентой. В служебном отношении налицо все те должности, которые встречаем и при княжеском дворе, но неразделенность административно-хозяйственных прерогатив и военных, административно-судебных и даже отчасти правительственных полномочий будет наблюдаться и после XII в. на длительную перспективу. Следует заметить также, что наиболее интенсивный прирост чинов княжеской службы по административно-хозяйственной части естественным образом наблюдается преимущественно на княжеско-домениальном уровне, т.е. по мере поместного оседания и разрастания княжеского двора.

³⁶ А.Е. Пресняков принципиально считал, что основные судебно-административные функции того времени лежали на самом населении (*Пресняков А.Е.* Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 431). М.Б.Свердлов приблизительно высказывался, что наиболее престижными для местной знати были должности административно-судебного аппарата, которые при этом с участием в дружине не связывались (*Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 211).